

Политика Англии в Восточном Средиземноморье летом и осенью 1941 г.

Начало Великой Отечественной войны советского народа против фашистских агрессоров не только открыло новый период второй мировой войны, но и изменило ее политический характер. Отныне эта война стала прежде всего прямым военным столкновением двух общественно-политических систем — социализма и капитализма. Вступление СССР в войну окончательно превратило борьбу народов и отчасти правительств западных стран в справедливую, освободительную войну, стало решающей предпосылкой формирования широкой антифашистской коалиции народов и государств с различным общественно-политическим строем, главным фактором сплочения вокруг СССР всех прогрессивных и демократических сил мира¹.

Советско-германский фронт, с самого начала ставший главным и решающим фронтом второй мировой войны, оказывал глубокое воздействие на все остальные театры военных действий, в первую очередь на Средиземноморье. В данной статье на основе широкого круга источников, и прежде всего неопубликованных материалов британских архивов, исследуются политико-стратегические замыслы и действия правительства Англии в Восточном Средиземноморье в начальной фазе нового периода войны — от нападения Германии на СССР до поражения гитлеровцев под Москвой в декабре 1941 г., имевшего исключительно важное значение для всего последующего хода событий. Первостепенное внимание уделено характеру военно-политической борьбы в этом районе и политическому курсу Лондона в отношении Турции, которая играла роль буфера на стыке ближневосточных позиций британского империализма и балканской зоны господства фашистской Германии.

Весной 1941 г. гитлеровцы, завершая подготовку к нападению на СССР, одновременно закрепились в Восточном Средиземноморье. Под предлогом спасения своего итальянского союзника в Ливии они послали корпус Роммеля в Северную Африку и, разгромив в апреле британские силы, вышли на границу Египта. На другом — северном фланге театра войны вер-

¹ История второй мировой войны: В 12-ти т. М., 1975, т. 4, с. 30—33; Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории. В 7-ми т. М., 1981, т. 5, с. 591—595, 723—724.

махт быстро захватил Грецию, а затем важную стратегическую позицию в Восточном Средиземноморье — Крит и вплотную приблизился к Палестине и Суэцкому каналу, которые являлись воротами к основным ближневосточным владениям Британской империи.

В начале июня 1941 г. штаб люфтваффе, отвечавший за действия вермахта на этом театре, представил Гитлеру меморандум «Анализ стратегической ситуации в Восточном Средиземноморье после балканской кампании и оккупации Крита» — «документ Ассмана». Его основная идея состояла в том, чтобы, не дожидаясь завершения операции «Барбаросса», провести мощное наступление морских и воздушных сил держав оси в Средиземноморье под германским руководством, овладеть Мальтой и Тобруком и загнать британский флот в самый юго-восточный угол Средиземного моря².

ОКВ, рассмотрев «документ Ассмана», пришел к выводу, что эта идея может быть реализована только после разгрома СССР. Отсрочка на 6—7 недель не имела существенного значения для решения проблемы Средиземноморья. Предложения штаба люфтваффе легли в основу директивы № 32 и ее уточнения 30 июня 1941 г., а также планов ОКХ в начале июля 1941 г. Главной ударной силой в изгнании англичан из Средиземноморья должны стать не авиация и флот, а подвижные соединения, которые двинутся по трем сходящимся направлениям к Суэцкому каналу, чтобы овладеть им в ноябре 1941 г. Снижалась роль ливийского направления — Роммель не получал ни одной новой дивизии, тогда как прежде планировалось перебросить ему две танковые дивизии. Исход борьбы за Суэцкий канал решался на двух новых направлениях: Турция — Сирия — Палестина и Закавказье — Иран — Ирак³. Предпосылкой успешного продвижения на этих направлениях должна была стать реализация плана «Барбаросса». Таким образом, не только летом 1941 г. — начальной фазе нового периода войны, но и в дальнейшей перспективе судьба британских позиций на Ближнем Востоке зависела прежде всего от исхода борьбы на советско-германском фронте.

Англия еще в середине июня 1941 г. попыталась извлечь выгоду из ослабления военного давления Германии в Средиземноморье накануне нападения на СССР. Но наступление против германо-итальянских сил в Ливии оказалось неудачным⁴. Это стало толчком к серьезным изменениям в системе британского военно-политического руководства на данном театре.

² Ansel W. Hitler and Middle Sea. Durham, 1972, p. 428—429.

³ Гальдер Ф. Военный дневник. М., 1969, т. 2, с. 561; т. 3, кн. 1, с. 80; Рейнгардт К. Поворот под Москвой. М., 1980, с. 43; Hitler's war directives (1939—1945). L., 1965, p. 79; Ansel W. Hitler and Middle Sea, p. 430—435.

⁴ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. М., 1976, с. 170—174.

Вместо А. Уэйвелла командующим сухопутными силами на Ближнем Востоке стал генерал К. Окинлек. О. Литтлтон, близкий к Черчиллю человек, занял новую должность министра-резидента на Ближнем Востоке с правом членства в военном кабинете Англии. Смысл деятельности министра-резидента состоял не просто в освобождении командующего войсками от функций политико-дипломатического характера, чтобы тот эффективнее занимался чисто военными делами⁵. Опыт предыдущего периода борьбы в Восточном Средиземноморье, когда в критические моменты пришлось дважды посылать члена кабинета А. Идена в этот район, убедил Черчилля в необходимости иметь в Каире надежного человека с широкими полномочиями для точного выполнения решений Лондона по Ближнему Востоку и в политической, и в военной областях. Литтлтон стал «главой исполнительной власти» в системе британского колониального господства от Кении до Ирака, включая и «власть над всеми вооруженными силами» данного театра войны⁶.

Так был преодолен «кризис руководства» британскими делами в Средиземноморье и на Ближнем Востоке. Сам метод его разрешения и разногласия, вызванные им в Лондоне⁷, свидетельствовали, что правящая верхушка Великобритании весьма неохотно признавала необходимость приспособления к реальности, вытекавшей из нового этапа мировой войны и изменения ее характера.

Вопросы борьбы на средиземноморском театре летом 1941 г. заняли важное место в отношениях между Лондоном и Вашингтоном в рамках дальнейшего формирования англо-американского союза. Правительство Черчилля просило расширить поставки по ленд-лизу, которые шли прямо на Ближний Восток. Между тем в США возникли разногласия относительно пределов обороны Восточного Средиземноморья и Ближнего Востока и ее места в приоритете большой стратегии Англии.

24 июля в Лондоне состоялось совещание с участием личных эмиссаров Рузвельта — Г. Гопкинса и А. Гарримана, военных представителей США в Англии, а также Черчилля, начальников штабов Великобритании и командующего британскими силами на Ближнем Востоке К. Окинлека. Накануне Гарриман как уполномоченный по ленд-лизу обследовал средиземноморский театр под углом зрения использования американских поставок и дал критическую оценку не только снабжения, но и структуры командования⁸.

⁵ CMA. Ismay's Papers, VI/2, Т. 348, 349, 356.

⁶ Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия (июнь 1941 — август 1942). М., 1967, с. 142.

⁷ Батлер Дж. Большая стратегия (сентябрь 1939 — июнь 1941). М., 1959, с. 486—487.

⁸ PREM 3/217/2.

Американцы настаивали на сугубо оборонительной тактике англичан на данном театре. Гопкинс заявил, что Рузвельт склоняется к удержанию Ближнего Востока до разумных пределов, но его военные советники сомневаются даже в этом. Начальники штабов США считали, что очередность задач западных союзников в борьбе с Тройственным блоком должна быть такой: 1. Оборона Англии и путей через Атлантику; 2. Защита Сингапура и путей в Австралию и Новую Зеландию; 3. Контроль над океанскими путями в целом; 4. Оборона Ближнего Востока. Военные представители США в Лондоне возражали против любых наступательных действий англичан в этом районе⁹.

Однако руководство Англии не приняло эти советы. Черчилль заявил, что, поскольку положение в метрополии заметно улучшается и англичане остаются хозяевами положения в борьбе за Британские острова, проблема приоритета в стратегии сводится к сравнительной важности обороны Ближнего и Дальнего Востока. В случае нападения Японии на британские владения на Дальнем Востоке англичане отдадут предпочтение обороне Сингапура и пошлют туда флот из Александрии. Но в этом не будет нужды, если Вашингтон согласится рассматривать такие действия Токио в качестве казус белли¹⁰.

Важно отметить, что правительство Черчилля на этом совещании даже не поставило вопрос о необходимости увязать свой военно-политический курс в Средиземноморье с оказанием помощи СССР на решающем фронте мировой войны. Защищая идею удержания Ближнего Востока до последней возможности и проведения здесь наступательной линии, Лондон тем самым утверждал, что в его политике на первом месте стояли не интересы формировавшейся антигитлеровской коалиции и более быстрого разгрома Германии, а стремление сохранить свои колониальные позиции на Ближнем и Среднем Востоке и в Африке и подготовить плацдарм для возвращения британского империализма в Европу через Средиземноморье. Конечный вывод английского руководства по обсуждавшимся вопросам был таков: до возникновения чрезвычайной ситуации на трех других театрах — Британских островах, Атлантике и Дальнем Востоке — Великобритания будет наращивать свои военные усилия, «несмотря на все возражения заатлантических друзей». Черчилль сообщил, что за последние 8 месяцев около 50 % военной продукции Англии шло в распоряжение ближневосточного командования¹¹.

⁹ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. М., 1958, т. 1, с. 507—509; Lash J. Roosevelt and Churchill (1939—1941); L., 1975, p. 386.

¹⁰ Lash J. Roosevelt and Churchill, p. 386.

¹¹ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс, т. 1, с. 510; Playfair I. The Mediterranean and Middle East. L., 1956, v. 2, p. 249.

Если решение проблемы западного фланга данного театра войны упиралось в чисто военную плоскость, т. е. в подготовку и успешное проведение операции по разгрому германо-итальянских сил в Ливии, то северный фланг, или отношения с Турцией, требовал значительных политико-дипломатических усилий. Несмотря на подписание германо-турецкого договора о дружбе и нейтралитете 18 июня 1941 г., в рамках которого произошло временное размежевание зон военно-политического господства двух империалистических противников, в перспективе англичане видели опасность продвижения вермахта на Ближний Восток через турецкую территорию.

24 июля Анкара в связи с сообщениями о мобилизации в болгарскую армию и возможности вступления частей вермахта в зону болгаро-турецкой границы конфиденциально обратилась в Лондон с просьбой начать штабные переговоры. И хотя англичане знали, что «из-за нужд русской кампании вся германская мощь в Болгарии и зоне Эгейского моря сократилась до трех дивизий» и что диспозиция болгарской армии не представляет угрозы для Турции в ближайшее время, правительство Черчилля считало штабные переговоры с турками «неотложной необходимостью»¹².

2 августа на совещании в Лондоне с участием Окинлека была определена британская позиция на предстоящих переговорах. Предварительными условиями оказания помощи Турции должен быть разгром Роммеля в Киренаике и готовность Анкары «оказать немцам достаточное сопротивление». Предполагалось, что немцы смогут начать наступление против турок не ранее 1 ноября, да и то, «если русский фронт будет опрокинут». Это совпадало с мнением Турции. 29 июля маршал Чакмак, главнокомандующий ее вооруженных сил и глава делегации на штабных переговорах, заявил британскому атташе, что не видит опасности, пока «русский вопрос не разрешен» Германией. Анкара полагала, что, «если русские удержатся до начала плохой погоды, обе стороны окажутся настолько истощенными в живой силе и технике, что Турция станет важным фактором». На вопрос англичанина, не означает ли это, что турецкое правительство тогда рассмотрит вопрос о переходе на сторону Лондона, Чакмак ответил «да»¹³.

Такой ответ еще больше повысил цену переговоров в глазах англичан, чью делегацию должен был возглавить генерал К. Окинлек. Предполагалось участие двух других командующих — адмирала Э. Каннингхэма и маршала авиации А. Теддера. Было решено обещать посылку в Турцию к 1 ноября 1941 г. четырех пехотных дивизий и одной танковой бригады,

¹² Cab 65/23, WM(41)73, M2(CA); FO. 371/30028, R 7211/10/44; CMA. Ismay's Papers, VI/2, T. 450.

¹³ FO. 371/30028, R 7311/10/44.

ста зенитных орудий и небольшого числа самолетов. Лондон хотел обсудить вероятные масштабы и время наступления противника, планы обороны Турции и ее запросы в снабжении, возможные совместные действия и в этой связи состояние дорожной сети Турции¹⁴.

Однако турки очень скоро разочаровали англичан и заявили, что имеют в виду не штабные переговоры в полном объеме, наподобие январских 1941 г., а лишь секретные военные контакты. И возглавит делегацию не Чакмак, а его советник по делам ВВС генерал Джелал¹⁵. Затем после утечки информации 30—31 июля турки вообще отказались ехать на Кипр и отложили переговоры. Последовали взаимные упреки в виновности разглашения замысла. Английский посол в Анкаре Х. Хьюджессен сообщил, что он подозревает либо турецкий генштаб, либо министерство иностранных дел¹⁶. Британская сторона особенно была недовольна тем, что немцы узнали не только о предполагавшихся штабных переговорах, но и о прибытии в Анкару английского полковника в качестве инструктора для обучения турецких подвижных частей танковым боям. В конечном счете было решено вести переговоры в Анкаре через британского военного атташе¹⁷.

В конце августа 1941 г. англо-турецкие контакты вступили во вторую фазу. 27 августа совещание с участием Черчилля и ведущих членов военного кабинета — Идена и Бивербрука, а также начальников штабов утвердило инструкции для ведения переговоров. Они сводились к следующему. 1. В случае нападения Германии и решимости Турции защищаться — полное сотрудничество англичан с турками, которые станут «партнерами в получении огромных ресурсов Британской империи и США». 2. Поворот на север в сторону турецкого фронта почти всей мощи Англии на Ближнем Востоке после ликвидации корпуса Роммеля и возвращения Киренаики. 3. Отправка с момента германского наступления против Турции, но не ранее 1 ноября 1941 г., четырех пехотных дивизий и одной танковой бригады с полным боевым снаряжением и четырех эскадрилий истребителей. Обещание большого количества зенитной артиллерии и дополнительно 16 эскадрилий ВВС после победы в Киренаике должно было оставаться в качестве козырей на переговорах¹⁸.

Английский атташе в Анкаре сообщил о благоприятной реакции турок на обещание столь значительной помощи и отметил, что маршал Чакмак придает особое значение истребитель-

¹⁴ Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия, с. 152—153; СМА. Ismay's Papers, VI/2, Т. 465.

¹⁵ FO. 371/30028, R 7397/10/44, R 7440/10/44.

¹⁶ FO. 371/30029, R 7483/10/44, Hugessen to FO, 5/VIII 1941.

¹⁷ Ibid., R 7620/10/44, 8/VIII 1941.

¹⁸ Cab 66/18, WP(41)205.

ной авиации. В связи с этим А. Иден обратился к Черчиллю с предложением назвать туркам еще более высокую цифру помощи. « В результате германских потерь в России,— писал он,— мы сможем еще больше увеличить наши ВВС на Ближнем Востоке за счет Британских островов. И если бы мы могли дать Турции весной 1942 г. значительно больше восьми эскадрилий истребителей, назвав цифру 15 эскадрилий, произведем хорошее впечатление»¹⁹.

Военный кабинет в принципе одобрил это предложение, но решил не спешить с сообщением о нем, используя его как тактическое оружие в отношениях с Анкарой: обещать дополнительные эскадрильи только в том случае, если переговоры пойдут плохо²⁰.

Между тем в конце августа — начале сентября 1941 г. в связи с ухудшением обстановки на южном крыле советско-германского фронта в Лондоне и в столицах доминионов возникли опасения скорого продвижения немцев на Ближний и Средний Восток. Турецкая сторона медлила с проведением военных переговоров даже на ограниченном уровне. Комитет начальников штабов Англии пришел к выводу об усилении угрозы удара вермахта не только через Анатолию, но и через Кавказ, и английское правительство решило спешно перебросить две пехотные дивизии из метрополии в распоряжение Окинлека. 1 сентября Черчилль, излагая просьбу Рузвельта о выделении транспорта для перевозки этих сил, подчеркнул: «Важно подбодрить Турцию стоять твердо против германского прохода в Сирию и Палестину... Мы добьемся огромного успеха, если сможем удержать Турцию» (в ее нынешней позиции.— А. Ч.)²¹. Президент США обещал выполнить просьбу.

Сравнивая угрозы британским позициям на Ближнем Востоке с западного фланга и с севера, английское правительство пришло к выводу, что западное направление менее опасно. В ответ на беспокойные телеграммы из Канберры и Претории, в частности от Я. Смэтса, Черчилль сообщил, что противник, имея в Киренаике только две немецкие дивизии, «не сможет предпринять крупное наступление в дельту Нила ввиду больших трудностей с автотранспортом и снабжением»²².

Показательно и то, что Лондон перестал торопить Окинлека с наступлением в Киренаике, исчез аргумент о необходимости более раннего разгрома Роммеля с целью высвобождения войск для северного фланга. Изучение переписки Черчилля того времени и его выступлений на заседаниях кабинета показывает, что британский премьер-министр в отличие от своих воен-

¹⁹ FO. 371/30029, R 8078/10/44.

²⁰ Ibid., R 8224/10/44, 4/IX 1941.

²¹ CMA. Ismay's Papers, VI/2, T. 536, 549; Roosevelt and Churchill: Their secret wartime correspondence. L., 1975, p. 155.

²² CMA. Ismay's Papers, VI/2, T. 555, 7/IX 1941.

ных советников более оптимистично смотрел на возможную германскую угрозу с севера. Он понимал, что сопротивление СССР свяжет силы Германии на более длительный срок, чем думали в Лондоне. Что же касается угрозы немецкого вторжения в Турцию, то Черчилль считал ее нереальной до завершения борьбы на советско-германском фронте. В письме премьер-министру Австралии А. Фаддену 7 сентября он писал, что «если турки не дадут согласия на проход вермахта через Анатолию, немцы не смогут направить из России крупные сухопутные и воздушные силы для овладения Турцией раньше, чем через 6—8 недель после победы над СССР». Затем англичанам поможет погода, и в результате наступления гитлеровцев в Сирию не следует ждать раньше весны 1942 г.²³

Столь же мало англичане беспокоились по поводу возможности продвижения немцев через проливы и Западную Анатолию в Палестину и к Суэцкому каналу. В письме Смэтсу 10 сентября Черчилль писал: «Мы не придаем серьезного значения сообщениям о крупном сосредоточении немцев в Болгарии и на островах Эгейского моря. Даже с учетом двух дивизий, вероятно, предназначенных для действий против Крыма или других причерноморских районов России, все германские силы в Болгарии составляют четыре дивизии, и мы не думаем, что немцы попытаются вступить в Турцию без серьезной поддержки войск Болгарии и Италии». Диспозиция же болгар и итальянцев осталась прежней и не давала оснований для беспокойства²⁴.

Правительство Англии вполне отдавало себе отчет в том, что главным фронтом мировой войны является советско-германский фронт и что от хода и исхода борьбы на нем зависит судьба средиземноморских планов Лондона. Подготавливая наступление в Египте с целью уничтожить корпус Роммеля, Черчилль в начале сентября запросил мнение министра-резидента О. Литтлтона и ближневосточных командующих относительно ближайших и более отдаленных перспектив противоборства Великобритании с державами оси в Средиземноморье в свете ситуации на советско-германском фронте, а также предложения СССР об открытии Англией второго фронта в Западной Европе.

В своем ответе Литтлтон и Окинлек 6—9 сентября исходили из вероятности взаимного истощения противников и позиционной борьбы на советско-германском фронте. Германия, наверняка, попытается использовать освободившиеся на востоке Европы ресурсы, чтобы усилить свои воздушные удары в дельте Нила и по британским коммуникациям в Средиземном море. Но нынешняя скованность немцев в России препятствует осу-

²³ Ibidem.

²⁴ Ibid., Т. 570.

шествлению весьма реальных замыслов закрытия Западного Средиземноморья и оккупации североафриканских баз Франции²⁵.

Если исходить из того, говорилось далее в документе, что цель Англии состоит в «возвращении в Европу при первой возможности», то на данном театре для этого есть два пути: 1. Вернуть плацдарм в Греции; 2. Вторгнуться в Италию через Сицилию. На первом пути необходимо вернуть Крит, а для этого овладеть Родосом и всем архипелагом Додеканес, но последнее невозможно без активной помощи Турции. В целом возвращение Англии на Балканы мыслилось при обязательном вступлении Анкары в войну на стороне Лондона. В этом месте авторы вынуждены признать, что «дистанция до какой-либо решающей цели в Германии огромная»²⁶.

Вторжение в Италию из Триполи с опорой на Мальту также привлекало внимание ближневосточных стратегов Лондона. «Здесь находится слабейший пункт противника и путь продвижения к Австрии и южной Германии. На мой взгляд,— писал Литтлтон,— этот путь наступления предпочтительнее попытки достичь Германии через Францию или Бенилюкс, где мы должны будем наносить удар по противнику в наиболее укрепленном пункте и в непосредственной близости от его последнего оплота — Пруссии»²⁷.

Мнение Литтлтона и Окинлека в вопросе большой стратегии Англии в Европе стало первой четкой формулой «периферийной стратегии» Великобритании на новом этапе второй мировой войны, стратегии, которая противостояла идее открытия второго фронта в Западной Европе, выдвинутой советским руководством. Эту формулу Черчилль взял на вооружение, чтобы добиться такого возвращения британского империализма в Европу, которое, наряду с разгромом его противников в системе капитализма, ослабило бы Советский Союз и не допустило бы широкого развертывания демократического и революционного движения народов континента.

Анализируемый документ важен еще и тем, что в нем помимо желания авторы признают решающее значение советско-германского фронта для развития обстановки в Средиземноморье. В частности, адмирал Каннингхэм и маршал авиации Теддер отметили, что «скованность Германии в России не позволяет противнику пока развернуть широкое наступление против Англии на Ближнем Востоке». По мнению Теддера, если немцы начнут наращивать удары в Средиземноморье, они сделают это не столько за счет сил в России, сколько за счет отвлечения их от битвы за Атлантику²⁸. Рассматривая перспек-

²⁵ PREM 3/296/5, p. 98—99.

²⁶ Ibid., p. 100.

²⁷ Ibid., p. 101.

²⁸ PREM 3/296/5, p. 102.

тивы действий противника в Западном Средиземноморье, в частности в Испании и Французской Северной Африке, Каннингхэм отметил, что «в данный момент это едва ли возможно. Очень многое зависит от того, действительно ли Россия серьезно ослаблена»²⁹. Но Каннингхэм и Теддер, как и Литтлтон и Окинлек, не колебались в выборе между подлинной стратегией антигитлеровской коалиции в Европе, которую предлагал СССР, и периферийной стратегией Лондона.

Державы оси и особенно германо-итальянское командование в Северной Африке тоже понимали зависимость обстановки в Средиземноморье от хода борьбы на востоке Европы. Корпус «Африка» так и не получил новые соединения, оставшись с двумя немецкими дивизиями, одна из которых была превращена в полноценную танковую дивизию. Переброска значительной части люфтваффе из Средиземноморья на Восток и замена ее более слабой итальянской авиацией привели к активности английского флота и ВВС в Средиземном море. 16 августа начальник штаба ОКХ генерал Гальдер отметил, что подкрепления, необходимые Роммелю для наступления на осаждаемый Тобрук, смогут прибыть в Африку только в начале октября 1941 г.³⁰

В начале сентября Роммель обратился в Берлин с настоятельной просьбой заставить итальянцев выполнить свое обещание о надежной проводке конвоев через Средиземное море. В противном случае державы оси потеряют выгодный момент для захвата Египта. Он считал, что угроза немецкого наступления через Кавказ, неопределенная позиция Турции и политические трудности в Сирии и Палестине некоторое время не позволят англичанам не только развернуть серьезное наступление против Ливии, но и удержать Египет. В связи с резким ростом потерь немецких грузов на ливийских маршрутах — до 50 % отправленных — командование в Северной Африке просило Берлин перевести в Средиземное море несколько десятков подводных лодок, миноносцев, торпедных катеров, а также открыть новый путь снабжения через Грецию³¹. Эту просьбу поддержали германские военные и морские представители в Риме и штаб адмирала Редера.

Однако ОКВ не могло в тот момент удовлетворить даже эти скромные требования. «Германия настолько завязла в России,— пишут Дж. Батлер и Дж. Гуайер,— что уже не могла выделить для средиземноморского театра ничего, кроме весьма незначительных сил». Это решающее обстоятельство заставляло гитлеровцев, хотя и без особого желания, по-прежнему полагаться на Италию в поддержании морских коммуникаций

²⁹ PREM 3/296/5, p. 105.

³⁰ Гальдер Ф. Военный дневник, т. 3, кн. 1, с. 281.

³¹ Rommel E. The Rommel Papers. L., 1953, p. 193; Ansel W. Hitler and Middle Sea, p. 467.

в Ливию. Как отметил Гальдер, «в нынешних условиях было бы преступлением выделять для этого какие-то немецкие силы и средства»³².

Провал блицкрига против СССР оказал серьезное влияние не только на положение в Северной Африке, но и в целом на Средиземноморье и Ближний Восток. Это понимали и сами гитлеровцы, о чем свидетельствует подписанный Гитлером меморандум ОКВ о стратегическом положении на начало сентября 1941 г. В нем признается, что «верховное командование уже давно считается с возможностью того, что кампания на Востоке не приведет в 1941 г. к полному уничтожению советских войск». В результате изменится позиция Турции, которая «расценивает такое развитие обстановки очень неблагоприятно для Германии и будет выжидать до тех пор, пока не убедится в окончательном поражении России». Гитлеровцы признали, что «меры военного характера против Турции будут исключены, поэтому придется попытаться склонить Турцию политическими средствами»³³.

В документе отмечалось, что «при отсутствии серьезной немецкой угрозы из Сирии и Ирака» англичане укрепят свои позиции в зоне Суэцкого канала и подготовятся к наступлению в Ливии, опираясь на помощь США. При сохранении прежних условий транспортировки через Средиземное море державы оси не смогут отразить английскую атаку из Египта³⁴.

Рассматривая вероятные стратегические замыслы Англии и США, в Берлине пришли к выводу, что западные державы в обозримом будущем не станут добиваться разгрома Германии на континенте Европы и что опасность вторжения англо-американцев с запада можно считать несуществующей. Более вероятным считались действия в Средиземноморье: изгнание держав оси из Ливии и овладение всем побережьем Северной Африки, установление полного господства на море и в воздухе, вступление американцев в Касабланку и Дакар и в целом приход США на данный театр войны, наконец, вывод Италии из войны³⁵. Из этого видно, что руководство Германии понимало склонность западных союзников, особенно англичан, к периферийной стратегии и стремилось использовать отказ Лондона проводить согласованный с Советским Союзом военно-политический курс.

Глобальная стратегия Германии сводилась к следующему: «Разгром России является ближайшей и решающей целью войны, для достижения которой следует использовать все силы, не являющиеся необходимыми на других фронтах. Поскольку эта

³² Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия, с. 186.

³³ Гальдер Ф. Военный дневник, т. 3, кн. 1, с. 344.

³⁴ Там же, с. 344—345.

³⁵ Там же, с. 345.

цель не будет достигнута в 1941 году, продолжение Восточной кампании в 1942 г. должно стоять сейчас на первом месте в нашем планировании»³⁶. Особое внимание обращалось на южное крыло германо-советского фронта, так как успех здесь открывал возможность нанесения давно задуманного удара по наиболее важным позициям Англии на Ближнем Востоке. Втягивание Турции в войну против СССР и Англии, без чего невозможно было осуществить указанный замысел, оставалось еще одной важной задачей гитлеровцев. Однако истощение сил вермахта на Востоке оказалось настолько серьезным уже к началу сентября 1941 г., что немцы сделали важное признание. Если даже наступление на Москву — операция «Тайфун» закончится успешно и «Россия в основном будет разгромлена в этом году», Германия сможет подготовиться к решающим операциям в Средиземноморье только весной 1942 г.³⁷

В начале октября 1941 г. позиция Турции стала для англичан еще более актуальной в связи с началом операции «Тайфун». Правительство Черчилля сообщило туркам, что оно готово послать на помощь Анкаре, кроме обещанных ранее пехотных частей, две танковые дивизии, две отдельные танковые бригады и увеличить помощь истребительной авиацией с 8 до 12 эскадрилий. При этом подчеркивалось, что эти силы смогут прибыть в Турцию только после успеха операции «Крусейдер», т. е. разгрома корпуса «Африка»³⁸. Вопрос о воздействии этого предложения на Анкару считался настолько важным, что 10 октября Форин оффис в меморандуме военному министерству и комитету начальников штабов выразил озабоченность тем, что готовность министерства снабжения расширить поставки танков Советскому Союзу может отрицательно повлиять на эффективность обещания Турции. Военное министерство и начальники штабов также выступили против «переадресовки танков»³⁹. В конечном счете правительство решило оставить в силе оба обещания — и Турции, и Советскому Союзу, хотя выполнение того и другого было невозможным. Что касается Турции, оно упиралось не только в успешное осуществление «Крусейдера», но и в проблему переброски танковых частей в Анатолию и поддержания снабжения их всем необходимым по неготовым турецким коммуникациям. Английский военный атташе в Анкаре весьма сомневался в возможности переброски танковых сил и даже снабжение пехотных соединений, которые должны быть направлены в Турцию, считал «более чем проблематичным»⁴⁰.

³⁶ Гальдер Ф. Военный дневник, т. 3, кн. 1, с. 348.

³⁷ Там же, с. 347—348.

³⁸ FO. 371/30100, R 9734/274/44, Note by FO, 4/XI 1941.

³⁹ Ibid., R 9089/274/44.

⁴⁰ Ibid., R 9115/274/44, 14/X 1941.

Нажим гитлеровцев на Анкару, подкрепленный ссылками на временный успех в операции «Тайфун», привел к новому лавированию Турции между Берлином и Лондоном, и воздействие обещания посылки танковых сил англичан в Анатолию практически оказалось ничтожным. Тогда посол Хьюджессен 18 октября предложил обсудить вопрос, не лучше ли британским силам войти в Турцию раньше, чем начнется вступление вермахта в нее. Несколько позже к этому присоединилось и ближневосточное командование⁴¹.

Сама постановка этой проблемы являлась показателем серьезного ухудшения обстановки на обоих флангах средиземноморского театра. Черчилль в послании Литтлтону 25 октября писал: «В любое время Гитлер сможет, оставив треть своей армии в России и все еще сохраняя достаточно сил для угрозы Британским островам, оказать нажим на Испанию и послать подкрепления в Италию, а также двинуться на Ближний Восток»⁴². Возможно, Черчилль сознательно сгустил краски, рисуя положение на советско-германском фронте, чтобы придать больший вес предстоявшему наступлению Окинлека в Ливию и перспективам развития этого успеха в рамках периферийной стратегии, предложенной министром-резидентом и ближневосточным командованием в начале сентября.

«Если мы сможем овладеть комбинацией аэродромов Триполи — Мальта — Сардиния — Сицилия и утвердиться там,— писал далее Черчилль,— можно будет нанести решающий удар по Италии, более слабому партнеру оси. Это отвлечет воздушные усилия противника от Англии и Египта и поможет нашим действиям против германского продвижения на юго-восток — в Турцию и на Кавказ. Мы сможем получить решающий перевес в авиации в Центральном Средиземноморье и откроем все Средиземное море для нашего судоходства. Наконец, учитывая благоприятное воздействие на Францию и Французскую Северную Африку всех этих действий, особенно прибытия британских сил на тунисскую границу, мы смогли бы ввести в дело Вейгана со всеми вытекающими последствиями»⁴³.

Учитывая итоги и опыт боев в Северной Африке весной и летом 1941 г. и весьма скромные перспективы, которые в тот момент представлялись комитету начальников штабов, правомерно назвать прогнозы Черчилля воздушными замками, каковыми они и оказались в действительности. Но они имели определенный смысл: представить военные действия англичан в Северной Африке чуть ли не главным театром всей мировой войны.

Была еще одна причина возвеличения довольно скромной

⁴¹ Ibid., R 9582/274/44, R 9763/274/44, 17/X 1941.

⁴² CMA. Ismay's Papers, VI/2, T. 743, p. 15.

⁴³ Ibidem.

операции «Крусейдер». Незадолго до этого, 17 октября, Окинлек сообщил, что он переносит начало атаки против Роммеля с 1 на 15 ноября, и это вызвало сильное раздражение Черчилля. Но поскольку все аргументы Лондона в пользу сохранения прежнего срока начала операции не подействовали⁴⁴, Черчилль прибег к последнему, представив «Крусейдер» почти что поворотным пунктом мировой войны. Тем более что этот аргумент полностью вписывался в периферийную стратегию Лондона на данном этапе войны.

В начале ноября 1941 г. правительство Англии вернулось к обсуждению предложения Хьюджессена об упреждающем вступлении британских сил в Турцию. 4 ноября Форин оффис сообщил своему послу в Турции, что английское правительство считает предварительными условиями посылки танковых сил и авиации успешное выполнение «Крусейдера», подготовку вспомогательных служб и улучшение дорожной сети в Анатолии. Если же немцы войдут в Турцию до выполнения этих условий, Англия сможет послать лишь две австралийские дивизии из Палестины. Но в Лондоне считают более вероятным, что вермахт не начнет вторжение в Анатолию до весны 1942 г. К тому времени все три условия должны быть осуществлены, и тогда правительство Англии на основе политических и общестратегических факторов решит, должны ли англичане вступить в Турцию, чтобы опередить немцев⁴⁵.

Через несколько дней Форин оффис уточнил свою позицию. В силу множества факторов, влияющих на принятие решения, невозможно заранее сказать, «в какой момент британское руководство могло или хотело бы послать английские дивизии, чтобы опередить германское наступление. Но что особенно важно и абсолютно необходимо — это согласие турецкой стороны на немедленное начало работы британских рекогносцировочных групп для подготовки вспомогательных служб и улучшения коммуникаций»⁴⁶.

На этот раз турки оказались сговорчивее, и снова подоплекой их позиции стала обстановка на советско-германском фронте, провал октябрьского наступления на Москву. Впрочем, Анкара дала более осторожное согласие, чем хотели англичане, да и то при условии расширения ранее обещанной помощи. В конечном счете Лондон пообещал четыре пехотные и две танковые дивизии, две танковые бригады и две бригады противотанковой артиллерии, 24 эскадрильи, в том числе половину современных истребителей — все это к весне 1942 г. Кроме того, туркам было обещано в их собственное распоряжение немалое количество пехотного оружия, противотанковой и полевой артиллерии, авто-

⁴⁴ Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия, с. 183—184.

⁴⁵ FO. 371/30100, R 9582/274/44.

⁴⁶ Ibid., R 9763/274/44, 8/XI 1941.

транспорта, а также стратегическое сырье для турецких заводов⁴⁷.

Тогда же англичане попытались добиться нового сдвига в турецкой позиции. Хьюджессен в беседе с министром иностранных дел Турции Сараджоглу поставил вопрос о превращении контактов через военного атташе в штабные переговоры на высоком уровне. Сараджоглу ответил, что он не возражает, но время для этого еще не пришло⁴⁸. Турки явно выжидали исхода борьбы на востоке Европы.

18 ноября началось давно ожидаемое наступление Окинлека. Еще в конце октября и в Берлине, и в Риме получили информацию о подготовке «Крусейдера». В связи с этим, а также в плане подготовки к выполнению директивы № 32 о штурме британских позиций в Средиземноморье ОКВ принял некоторые меры. В Средиземное море были введены 21 подводная лодка, небольшое число тральщиков и торпедных катеров. 28 октября было принято решение перевести сюда с советско-германского фронта один авиакорпус и штаб 2-го воздушного флота⁴⁹. Однако гитлеровцы, стремясь добиться перелома в битве за Москву, не смогли осуществить эту переброску в ноябре, и положение итало-германских войск в Ливии оказалось хуже, чем предполагал Роммель. Англичане превосходили противника по артиллерии в 1,5 раза, танкам в 2 и самолетам в 3 раза⁵⁰.

Несмотря на большой перевес, Окинлек не мог добиться успеха с начала операции. Более того, устаревшая тактика танкового боя и плохое взаимодействие родов войск поставили успех англичан под вопрос. В конечном счете сказались большой перевес Окинлека в танках и острая нехватка снабжения у противника. «Соотношение сил с самого начала операции складывалось настолько не в пользу Роммеля,— пишет Лиддел Гарт,— что он неминуемо должен был потерпеть поражение в продолжительных боях на истощение». В начале декабря, когда после двухнедельных боев у Роммеля осталось 40 боеспособных танков против 200 у Окинлека, войска оси начали отход от Тобрука. И хотя позднее англичане заняли всю Киренаику, оттеснив противника к Эль-Агейле, им не удалось овладеть Триполитанией и уничтожить корпус «Африка»⁵¹.

Такой исход сражения в Северной Африке, помимо незначительного морального воздействия на Турцию, оказался неблагоприятным и в том отношении, что правительство Черчилля не могло выполнить своих обязательств перед Анкарой: основная

⁴⁷ Cab 66/19, WP(41)265, 10/XI 1941.

⁴⁸ FO. 271/30100, R 9877/10/44, 15/XI 1941.

⁴⁹ Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия, с. 187.

⁵⁰ История второй мировой войны, т. 4, с. 204.

⁵¹ История второй мировой войны, т. 4, с. 205; Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия, с. 191; Playfair I. The Mediterranean and Middle East, v. 3, p. 107.

часть танковых сил, обещанных туркам, была уничтожена или серьезно повреждена. Другим фактором отрицательного воздействия обстановки в Средиземноморье на англо-турецкие отношения явилось серьезное изменение в соотношении воздушных и морских сил в этом районе в пользу держав оси. После прибытия на Сицилию воздушного флота Кессельринга в начале декабря корпус «Африка» получил крупные подкрепления и в конце января 1942 г. перешел в наступление против британских войск в Киренаике⁵².

Событием, внесшим серьезный перелом в ход борьбы на европейских театрах войны на данном этапе, стало контрнаступление советских войск под Москвой 6 декабря 1941 г., которое переросло в общее стратегическое наступление Красной Армии на советско-германском фронте. Полный и окончательный крах гитлеровского блицкрига стал очевиден для всех. Было разгромлено 50 дивизий врага. Для спасения своего фронта Германия перебросила на Восток до апреля 1942 г. 39 дивизий, 6 бригад и 800 тыс. человек⁵³.

Поражение гитлеровцев под Москвой сорвало их замыслы овладеть Средиземноморьем и Ближним Востоком в конце 1941 — начале 1942 г. Оно определило и более благоприятную позицию Турции в отношении антигитлеровской коалиции, и прежде всего Англии. В конце декабря 1941 г. английское посольство сообщило, что, по мнению турецкого правительства, «неудача Германии в России столь же значительна, как битва на Марне»⁵⁴.

Итак, анализ политики и замыслов Англии в Восточном Средиземноморье в период с 22 июня до начала декабря 1941 г. позволяет сделать следующие выводы. Правительство Черчилля на новом этапе войны, хотя и согласилось с изменением политического характера мировой войны и частично усилило борьбу с фашистскими агрессорами, стремилось путем реализации периферийной стратегии сохранить колониальные позиции британского империализма на Ближнем Востоке и в Африке. В длительной перспективе Лондон рассчитывал, уклоняясь от подготовки к открытию второго фронта, овладеть всем побережьем Северной Африки и перейти к следующему этапу периферийной стратегии — перенести борьбу с державами оси на территорию Италии. Однако реальный ход событий обнаружил несостоятельность этих расчетов. Даже весьма ограниченный успех англичан в Восточном Средиземноморье и Турции был в решающей мере обусловлен победой Красной Армии под Москвой, что сорвало прорыв гитлеровцев к Суэцкому каналу через Ливию, а также через Анатолию, Сирию и Палестину.

⁵² Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия, с. 193—194.

⁵³ История второй мировой войны, т. 4, с. 267—323.

⁵⁴ FO. 371/33311, R 41/24/44, 26/XII 1941.